

ЗОЛОТИНА

16+

Lodger

КВАРТИРАНТ

Locataire



детективная история

Золотина Квартирант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50059512

SelfPub; 2020

Аннотация

Не всегда и не у всех жизнь меняется так быстро. Маша – управдом обычной девятиэтажки – буквально за считанные дни получает от судьбы: убийства и их расследования, любимого человека, неожиданных друзей – двуногих и четвероногих, приключения с поисками сокровищ Рейха и тайного современного «Мориарти», который постепенно открывает свои коварные планы в каждой следующей книге, и в результате – тонкие хищные руки преступника обретут своего хозяина.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Глава 1

Квартирант

Ночным «звонком в дверь» уже тяжело было испугать и даже удивить. С кровати встала на автомате – на ходу просыпаясь, тяжело шаркая ногами, пошла открывать дверь. Уже как пару лет перестала приводить себя в порядок перед открытием двери ночью. Только краем глаза глянула в зеркало. Боковое зрение отметило растрепанную короткую стрижку, слегка помятое лицо и затуманенные сном глаза. «Красавишна... а ведь когда-то спросонья я была иной...», – пронеслось ехидно в голове.

На пороге стоял, переминаясь с ноги на ногу, то ли от нетерпения, то ли от неловкости молодой парень в домашней одежде и то же, судя по лицу, недавно мирно спавший. Этого жильца я не знала. Стало немного интереснее.

«Простите, но меня заливают... сверху... а на квитанциях об оплате квартиры есть телефон сантехника. Я звонил, честно звонил, а он сказал пойти к Вам. Вроде как, только Вы решите это... этот... вопрос...»

«Номер квартиры какой?»

«Я не сообразил посмотреть... простите»

«Ваш номер квартиры какой?»

«95»

«Значит заливает 99. Пошли.»

По дороге на 7 этаж расспросила жильца как он вообще стал жить в нашем доме. Если в двух словах, то знакомая знакомой порекомендовала владелице квартиры (милой старушке, вдруг ударившейся в религию, но тихой и никого вопросами веры, не напрягающей) разрешить пожить в ее отсутствие Роме, то есть ему... на данный момент нашему «затопленному». Для себя информацию я восприняла по-иному – сдала в аренду бабулька квартиру свою, а сама уехала к детям за границу – то ли на земли обетованные, то ли в Европу. Не помню точно куда дети ее иммигрировали. Да... боятся правду говорить... не хотят налоги платить... в деньгах терять. Горько. Горько и обидно. Ведь «накрапают» соседи в налоговую, или со зла квартиранты нажалуются участковому. И что в итоге. Минимум – скандал, и мне неприятности, а максимум – суд и штраф немалый. Может конечно все и тихо пройти... а может...

Дверь 99-ой находилась за еще одной дверью так называемого «предбанника». Выведенный звонок этой квартиры был частью видеодомофона, что мне говорило о какой-никакой, но финансовой обеспеченности жильцов. На звонок никто не отреагировал. Чтож ... Надо будить жильцов 100-й. Долго не открывали. А в затылок мне сопел еще более взволнованный «затопленный» Рома.

«Хорошо хоть молчит – не сетует и не дает «дельных» советов», – подумалось и сразу упорхнуло, так как Рома вкусно

и громко зевнул у меня за спиной, а двери предбанника распахнулись одновременно с его зевотой. Я зевнула по цепочке за Ромой. На пороге появился Федор – хозяин 100-й квартиры. Коренастый крепкий мужчина после 50 лет. Он мне всегда напоминал гнома Гимли из «Властелина колец», а сейчас ночью вообще был просто его точной копией. «Гимли»-Федор зевнул вслед за мной. Скрыв улыбку и расшаркавшись с извинениями, я быстро начала пояснять сложившуюся ситуацию. На лице Федора лежала мрачная тень недовольства человека, которого разбудили ночью абсолютно беспричинно на его взгляд. Но в процессе моих извинений-пояснений, в его лице произошла удивительная метаморфоза – тень недовольства сменилась заинтересованностью, которая плавно перешла в теплое участие и завершилась широкой и безумно обаятельной улыбкой. Я теперь поняла, почему такая красавица как Нина (жена Федора) смогла в свое время влюбиться в такого несимпатичного мужчину как Федор. С появлением улыбки на лице, Федор становился настолько обаятельным и приятным, что говорить с ним хотелось, о чем угодно, лишь бы долго. Федор в свою очередь бурчал свое: «Да, ничего, ничего, с каждым может быть... Проходите, стучите в двери к ним. Спят видать крепко...».

«Простите...простите...ПРОСТИТЕ», – в процессе пояснений начал вклиниваться в разговор «затопленный» Рома, и с каждым «простите» он повышал интонацию, и треть «простите» прозвучало на очень высокой ноте, еще пару

«простите» и он точно перейдет на ультразвук...

Ну, вот – перехвалила. А ведь молчал, сопел и зевал. И чего нейметя. Ведь сдвинулся же его вопрос с мертвой точки, сам же видит.

«Я прошу прощения! Там НОГИ!». Мы с Федором одновременно замолчали и глянули на Рому, точнее туда куда показывал его указательный палец – аккуратненько и скромно, будто бы украдкой, направлял наш взгляд действительно на ноги. Дверь в 99-ю была приоткрыта. Почему мы это не увидели сразу я не знаю. Может угол зрения был обманчив, а может мы просто были настроены на 100-ю квартиру. Не знаю. Видать, что два интеллигента и один потоп – это неправильно. Была бы я в компании с менее сдержанным жильцом, то после открытия Федором предбанника, «затопленный» ментально бы ринулся стучать в дверь к обидчику, и «НОГИ» в приоткрытой 99-й были бы замечены сразу. А в данный момент собрались три абсолютно уравновешенных человека, выдержка которых и привела к тому, что «НОГИ» и приоткрытую 99-ю сразу не заметили.

Но, как бы там ни было, в щель от приоткрытой двери 99-й были видны ноги. Они были обуты и торчали подошвой кверху, как будто бы их владелец лежал там в темноте квартиры на животе. Мы втроем переглянулись. Федор посмотрел на меня взглядом полным вопросительных матов из разряда «что за ...?», при чем улыбка с его лица упорхнула вместе с волшебной харизмой. Взгляд Романа был более крас-

норечив и в секунду менял свой окрас – от победоносного: «Я же говорил, что там ноги!» до почти истеричного: «А что же теперь делаАААть?» Я аккуратно постучала костяшками пальцев по двери. В абсолютной тишине звук стука был слегка зловещим. Что же, пришлось первой подать голос.

«Есть кто-нибудь?»

Тишина в ответ.

«Наташа, Саша!»

Тишина.

Поняв, что стук и ауканье не решат сложившуюся ситуацию. Я присела и потрогала НОГУ. Одну. Правую. Ни ответа – ни привета. Я подергала сильнее. Та же реакция. Что-то напрягало и одновременно пугало. То ли нога как-то тряпично и неестественно реагировала на мои дерганья, то ли абсолютная тишина, но заходить в квартиру совсем не хотелось. А надо. Я же управдом. ДА. Управдом же я в конце концов! Внутренний тренинг «Я – управдом!» мне абсолютно не помог, и сил не добавил, а только забрал последние. Неожиданно сбоку от меня и за спиной у Федора появилась Нина. Ночные бдения ее не красили, но какая-то ее деревенская непосредственность и простота продвинули ситуацию вперед: «Маша, так может он пьяный? Дерни посильнее. Или переступи и в квартиру зайди. Напился видать, вот воду и забыл выключить, бедолашный». Ободренная Нининым напутствием, я перешагнула аккуратно через ноги и прошла в квартиру. Порыскав по стенам нашла выключатель —, он мер-

цал в полумраке оранжевой лампочкой. Пока я все это делала в голове копошились странные мысли. «Если напился, то, судя по тому, что валяется в коридоре, еще и ногами в дверном проеме, видать не дошел до ванны или кухни с краном. Кто же тогда воду выключить забыл? А может не 99-я топит, только бы трубы в перекрытиях не прохудились... это тогда целая история начнется... даже подумать страшно...»

Свет, который я включила, выхватил на полу такую картину, которая стерла из головы все мысли о потопе, трубах, оставив только Федины вопросительные маты из разряда «что за ...?»

На полу лежал человек. На животе. Ноги и руки неестественно повернуты и раскинуты. Одна штанина была снята с ноги при чем с ботинком вместе и лежала аккуратно рядом со второй нормально одетой и обутой ногой. Что создавало эффект трехного человека. Сиротливо оголенная нога в носке валялась рядом как-то странно вывернутая, как будто человек карабкался по полу и упирался этой ногой для отталкивания. Голова в чудной шапке была повернута на бок и лежала в луже из темной жижи.

«Я же говорила, напился и упал, БОЖЕБОЖЕБОЖЕ, он хоть жив!? Надо растолкать. И скорую надо. Маша!»

Пульс на руке не прощупывался. А может я искать его не умею. О, Нина же медсестра в прошлом.

«Нина, потрогайте пожалуйста – есть ли у него пульс».

«Так ты же трогала уже».

«Не могу нащупать».

«А ты лицо смотрела? Это Саша?»

«Нет, не смотрела».

Отодвинув с лица шапку, я поняла, что пульс искать не надо, и что это – не Саша (хозяин 99-й). Как я определила, что человек мертв, я пояснить не могу. Как-то интуитивно что ли. Раньше находить трупы мне как-то не приходилось.

«Это – не Саша. Нина поищите пульс. Но очень аккуратно, он, по-моему, мертв»

«Я труп трогать не буду. Мало ли от чего он помер. Может заразный какой. А у меня внуки!», – и Нина ушла в свою квартиру также неожиданно, как и появилась из нее. «Ну, просто «Алиса в стране чудес», а не Нина», – зло подумалось. Собрав в кучу все, что осталось от сил, воспитания и выдержки, я поискала пульс на одной руке, на второй и на всякий случай на шее. Его нигде не было.

«Пульса нет. Надо звонить в полицию... и в скорую...»

Федор медленно, но верно начал топтать к своей квартире.

«Ну... вы... это... если надо будет, то зовите», – при чем дверь квартиры он закрыл уже на первом слогe слова «зовите». Я повернулась и глянула на Романа. Мужественным его не назовешь. Храбрым тем более. Но с места он не сдвинулся. Советы не давал. Уходить не собирался. Но почему-то помощи я от него все-таки не ждала.

Звонок в полицию. Адрес. Фамилия, имя и отчество... мои. «Да, труп. Да, нашла. Нет, не знакомый. Да, я управдом.

Да, есть еще свидетели. Спасибо, будем ждать.»

Звонок в скорую. Адрес. Мои фамилия, имя и отчество. «Нет, не мои? А я не знаю фамилию, имя и отчество трупа. Кого спросить? Потерпевшего? Так он же труп! Да, полицию вызвали. Фамилия, имя и отчество? Мои? Спасибо, будем ждать.»

Ждали недолго. Приехали две инстанции почти одновременно. Судя по всему, у них был магнитный ключ «вездеход» от входной двери, так как в парадное они вошли сами. Глухо переговариваясь между собой, поднялись на 7 этаж к нам. Пешком, не на лифте. Боятся? Не доверяют? Не положено? Интересно бы узнать почему. Мы с Ромой стояли и стерегли труп, как два верных пса. Что ждала я – мне было понятно. А вот что ждет Рома для меня было вопросом, искать ответ, на который я сейчас совсем-совсем не имела желания. Полиция с новым «интерфейсом» радовала глаз. Молодые, brave, подтянутые... лихие и слегка придурковатые. О чем-то постоянно переговаривались между собой. На что-то друг другу указывали руками с суровым деловым видом. Наш участковый суетился изрядно. Бегал к ним, получал вопрос, подбегал к нам с этим вопросом. Получал ответ и, деловито сопя, передавал ответ в группу полиции. Что было дивным, так то, что никто из группы полиции напрямую вопросы нам с Ромой не задавал. Если подумать, то было все не так как в детективном кино. Совсем не так. Сотрудники скорой помощи как-то скромно и тихо констати-

вали смерть найденного, слегка его потревожили, поворачивая в разные стороны, уложили по возможности «все как было до них», заполнили какие-то бумаги, получили подписи у полиции и удалились также незаметно, воспользовавшись в этот раз лифтом. Время летело незаметно. Мы продолжали стоять на лестничной площадке. К нам-таки присоединилась 100-я квартира в лице Федора и Нины, в качестве понятых. Теперь помимо двух патрульных и участкового на этаже были еще нас четверо. Толпа немалая для наших небольших площадок и пролетов. Периодически открывались двери соседских квартир, и любопытные лица жильцов задавали практически одинаковые вопросы от: «Что случилось?» до: «БожеБожеБоже, как это могло случиться?» Нина шепотом больше похожим на шипенье со страдальческим видом рассказывала всем любопытным что и как она видела до тех пор, пока кто-то из полиции ее не приструнил. Участковый, получив очередное задание от бравых полицейских, трусцой побежал вниз по пролетам. Я поняла, что отправили его на встречу следственной группе. Сведущая во всем Нина прокомментировала его уход на свой лад: «Видать за медиками побежал, забыли что-то. Ой, хорошо бы вернулись. У меня к их врачу вопросы есть. Вот как наклонюсь, так сразу в глазах темнеет. Чего бы это? В нашей-то поликлинике не достоинься в очередях к врачу. А тут такой удачный случай – доктор и прям тут. В коммерческую медицину не обратиться ведь – столько денег за прием где ж наскрести-то». Нинины

рассуждения прервал звук внезапно поехавшего лифта. Все вздрогнули и в ожидании начали смотреть на раздвижные двери подъемника. К разочарованию многих ожидающих на площадке, когда створки открылись, вышло всего два человека. Один – молодой спортивного телосложения, а второй – изрядно пожилой, не толстый, но упитанный, при этом просто излучающий достоинство и благородство. Молодой суетливо шел рядом со старшим товарищем, периодически озорно улыбаясь, по сторонам стоящим людям, причем одними глазами. Второй не шел, он плыл, плыл по воздуху важной походкой, при этом абсолютно не комичной, а действительно степенной поступью человека, который знал куда идет, зачем идет, почему идет и более того, абсолютно уверен, когда отсюда уйдет. Нина каким-то животным чутьем определила в нем доктора. С ошалелыми глазами она как черт из табакерки выскочила перед солидным джентльменом и скороговоркой выпалила: «Простите доктор, у меня вот проблема – как наклонюсь в глазах темнеет. Вы меня не посмотрите?» Внезапная остановка абсолютно не смутила «доктора». Он медленно окинул взглядом Нину, потом остальных участников собрания, пожевал губу в задумчивости, пошевелил пальцами свободной от чемодана руки, которая была обтянута красивой кожаной перчаткой. И наконец-то вкрадчиво произнес: «Милая, Вы нуждаетесь в уходе врача, – Нина заморожено внимала его словам, в такт согласно покачивая головой, – «и чем дальше уйдет от Вас врач, тем лучше и для

Вас, и для врача». На площадке воцарилась, простите за каламбур, мертвая тишина. Продлилась она несколько дольше, чем ожидалось, поэтому двое из лифта успели зайти в тамбур 99 и 100 квартир, а шумевшие внизу шаги группы людей приблизились на несколько лестничных пролетов. Смеяться начали по очереди. Кто засмеялся первым сказать было сложно. Смешки начали перерастать в хихиканье, перетекать в откровенный смех, продолжившись гоготом. В итоге люди, поднимавшиеся по ступенькам, были встречены гомерическим хохотом с элементами истерики. Удивился только участковый, да так, что споткнулся об ступеньку и потерял шапку, папку и перчатки, что привело к еще одному взрыву смеха. Когда волна смеха начала утихать, то стали слышны слова, исходящие от вновь прибывших по лестнице людей. «О, раз смеются, значит наши эксперты уже тут...».

Спустя несколько часов я для себя сделала вывод – то, что происходило до прихода специализированной СОГ (следственно оперативной группы) назвать следственно оперативным мероприятием «по горячим следам» было нельзя. И только с их появлением завелся розыскной механизм. Первое, что бросалось в глаза – это слаженность работы команды. Тихие, спокойные фразы, действия, отточенные то ли частым повторением, то ли уверенным профессионализмом. Наблюдать было интересно, тем более, что страх и внутренняя истерика от осознания присутствия трупа в нескольких метрах от меня, уже прошли. Время опять начало ускоренно

крутить стрелку часов. Я глянула в окошко – уже не светало, а очень уверенно рассвело. Люди приходили и уходили. Исходя из услышанного, я поняла, что это были служащие других подразделений из этой оперативной группы. Были медики, которые в итоге унесли труп в темно-синем мешке, предварительно поохав-поахав по поводу маленького лифта, и что нести надо вручную с седьмого этажа, при этом впри-тык уместаясь на разворотах узких пролетов. Видеосъемка велась постоянно. Периодически мне задавались вопросы. Я старательно давала ответы, при этом с нескрываемым интересом слушала, о чем говорят «спецы» между собой. Именно этот интерес завел меня ближе положенного на тот момент к двери 99-й квартиры. А точнее в сам дверной проем. Я удобно в нем устроилась, облокотившись о дверной косяк, и слушала, как два уже знакомых мне эксперта обсуждали и записывали все вокруг в квартире, а точнее сказать – описывали и конспектировали.

«Вениамин Рафаилович, а заметили ли Вы следующее несоответствие при первичном осмотре трупа?», – голос пожилого, но как оказалось в последствии не старшего эксперта, звучал мягко, но зычно, и как на мой взгляд весьма авторитетно, тем более в сравнении с тембром Вениамина Рафаиловича – «Это несоответствие наводит на мысль о статусе, точнее высоком социальном статусе нашего трупа». «Иван Иванович, Вы, о чем именно говорите? Уточните пожалуйста», – да... голос Вениамина Рафаиловича не был насыщен

обертонами, поэтому звучал все-таки не так ярко и красочно, как Иван Иванович.

«Я обратил внимание на его ухоженные руки, дорогие носки и трусы. И жуткую верхнюю одежду – сильно заношенную, грязную и местами рваную до неприличия».

«Да, да... я заметил. Особенно снятая штанина. Такое впечатление, что ее зубами стягивали с ноги и при этом рвали в лохмотья, как Бобик грелку. Иными словами, перед нами либо олигарх, заигравшийся в бомж-тур, либо бомж – метросексуал. Короче, жуть. Будем дома посмотреть внимательно кто он и почему в таких офигенно дорогих труселях».

Слог речи Вениамина Рафаиловича меня удивил. Он был полон молодежного сленга, что тем более на фоне изысканности Ивана Ивановича очень резало слух, и совсем не придавало юному старшему эксперту авторитета и профессионального веса в моих глазах. А еще его постоянно смеющийся озорной взгляд и неприкрытая хотя бы усами или бородой явная молодость, не давали возможности увидеть в нем мало того, что старшего эксперта криминалиста, так еще и известного ученого криминалиста, доктора юридических наук, профессора криминалистики. Про все эти заслуженные звания Вениамина Рафаиловича я узнала абсолютно неожиданно настолько, что аж слегка подпрыгнула или мне показалось, что я подпрыгнула физически, а на самом деле от испуга сердце подлетело просто к горлу, по пути перехватив дыхание. Короче говоря, как сказал бы Вениамин Рафа-

илович, стреманулась я здорово. Итак, удобно устроившись в дверном проеме 99-й, я развесила уши и смачно внимала экспертам криминалистам. Было настолько интересно и любопытно, что окружающие меня шумы я вообще не воспринимала. И вдруг мою нирвану взорвала достаточно громкая фраза откуда-то сверху.

«Зря хмыкаете и называете Вениамина Рафаиловича Венечкой. Между прочим, он не просто старший эксперт криминалист, но еще и известный ученый криминалист, доктор юридических наук, профессор криминалистики и что-то там еще... я просто не вспомню сходу все его регалии». Я дернулась и начала вертеть головой из стороны в сторону, а также вверх, да видать слишком резко вверх, что привело к какому-то неожиданному головокружению. Или это бессонная ночь давала о себе знать с волнительными событиями заодно. Короче говоря, чтобы не упасть, я вцепилась в дверной косяк двумя руками и, судя по всему окончательно поспорившись с координацией движений, я приложилась лбом все в тот же косяк двери 99-й квартиры.

«Ох, ты ж, ежики, ежики!», – раздалось опять где-то сверху надо мной. Вениамин Рафаилович при этом был верен своей натуре. Он ляпнул ладонью себя по лбу и при этом емко и красочно высказался: «Офигеть!». Иван Иванович окинул меня и мои выкрутасы томным взглядом: «Сережа, что же Вы девушку так устрошили. Не дай Бог, испуг яйцами выкатывать надо будет у повитухи... или яйцом. Не знаю, как

правильнее будет. Вениамин Рафаилович! Я Вас умоляю, ни слова! Гусары молчат!» При этом старшего эксперта явно распирало от невысказанной соленой шуточкой по поводу яйца или яиц и их выкатыванием. Собрав себя в один кусок, я все-таки сфокусировала взгляд на этом Сереже с его «ежиками». Передо мной стоял, а точнее надо мной возвышался молодой мужчина в кожаной теплой куртке на меху и кепке, слегка сдвинутой на затылок. Телосложения он был скорее богатырского, чем гимнастического. Черты лица были на удивление правильные и крупные, зеленые глаза над корректирующими очками смотрели с насмешкой и одновременно в них были доброта и забота. Широкая, добродушная улыбка открывала красивые рекламные зубы, плюс обаянием Сережа, можно сказать, светился. Он протянул руки, чтобы поднять меня с пола, при этом показывая широко открытые ладони. Обычно так знакомятся с собаками – демонстрируют им развернутые ладони в качестве абсолютного доверия и, естественно доказывая таким образом, что в руках нет никаких предметов. Поднял на ноги он меня медленно, легко и уверенно, продолжая улыбаться и даже секундно похмыкивать себе под нос. «Вы не сильно ушиблись? Голова не кружится?» Я молчала, прислушиваясь к боли во лбу. «Надо бы ощупать девушку на предмет травм...», – сально улыбаясь предложил Вениамин Рафаилович. «Труп ощупывайте на предмет установления личности», – в такт Вениамину Рафаиловичу ответил Сережа. При этом он насмешливо смот-

рел мне прямо в глаза, будто бы пытался с них сосканировать какую-то информацию. Вот он – знаменитый «ментовский» взгляд, который так часто выдает работников правоохранительных органов.

«Что же Вы девушка крушите нам место преступления? Следы свои оставляете... а потом нашим экспертам идентифицировать Вас надо будет.»

«Меня итак идентифицировать надо будет. Это я труп нашла, и пульс у него искала. Там итак масса моих следов.»

«Ооооо... Нашли говорите... Так Вы у нас первым подозреваемым становитесь. Как говориться кто нашел – того и труп».

Понять – шутит Сережа или абсолютно серьезно говорит было практически невозможно. По крайней мере мне не удалось. Я сильно разволновалась или даже, если хотите – испугалась.

И тут за спиной Сережи раздался дрожащий голос Ромы: «А труп не только ее! Она не одна была. Мы вместе труп нашли.»

Да... про Рому то я и забыла. А он все это время топтался у Сережи за спиной. Просто за счет его деликатного телосложения или за счет Сережиного богатырского – не суть, но Рому все-таки видно не было. Теперь он предстал передо мной во всей своей красе. Огромные перепуганные глаза, махровый румянец на лице, пальцы рук нервно теребили кулиски с кофты. Следующая фраза Ромы просто безудержно

развеселила весь экспертный состав группы.

«И вообще-то нас трое было. В смысле четверо, если с трупом считать. С нами сосед из 100-й еще был».

От души насмеявшись, Вениамин Рафаилович озвучил свой вопросительный вердикт: «На троих труп что ли сообщали?»

«А вот и нет! С нами еще один человек был, точнее женщина – жена соседа из 100-й. Но она быстро ушла», – быстро и гордо отчеканил Рома.

«Дожились. Теперь женщина у нас – не человек, а вообще неизвестный науке зверь», – Иван Иванович сочувственно глянул на меня и Романа.

«Ну, вот – развели балаган. Уважаемые представители науки, соберитесь и продолжите работу. А то мы так сутки тут просидим. А с теми, кто труп нашел я сейчас сам побеседую». При этих словах сосед Федор безуспешно пытался сжаться в комок под пристальным взглядом Ниночки, явно кричащим: «А я тебе говорила дверь не открывать ночью то. Я тебе говорила? Говорила я тебе?». Победоносно задрав подбородок, Нина направилась в сторону своей квартиры гордой поступью владелицы ситуации. Дойдя до двери предбанника, она боком пыталась протиснуться между мной и Ромой. Возникла небольшая суматоха и толкотня.

«Пропустите меня молодой человек!»

«Да, да, да... простите. Проходите конечно.»

«Маша! Что Вы тут столпились. Пропустите меня в мою

квартиру».

Я мысленно только успела прореагировать на Ниночку, но ни слова не проронила вслух. А вместо меня прогремел голос Сережи: «Граждане! А что это вы тут устроили?! Гражданочка! Вернитесь туда, где стояли. Да! Это я Вам говорю – дама в халате с драконом. Это место преступления, а не собрание жильцов дома. Ведите себя соответствующе».

Торжествующий вид Ниночки в секунду испарился. Обычно такая смена имиджей происходит у котов. Вот кошка медленно дефилирует с гордо задранной головой и хвостом трубой вверх, вихляя пушистым задом. И стоит только наклониться за тапкам, как эта царская особа поджимает хвост и превращается в пугливого хомяка, который очень быстро хочет ретироваться с поля несостоявшегося боя. При этом спустя пару секунд что-то злобно мяукнет, встряхнется, выпрямится, глянет по сторонам, соберет обратно разрушенный царский образ и триумфально медленно понесет это обличье дальше в глубь квартиры. Конечно, есть коты и более воинствующие, но у меня был когда-то именно такой.

Мелко семеня ногами и придерживая полы своего халатика двумя руками, Нина рысью кинулась под защиту столпившихся в другом углу площадки жильцов. Которые встретили ее гуденьем улья, сочувствующими взглядами и неодобрением в сторону Сережи. И тут, то ли нежно прижавшаяся к Федору Ниночка, то ли ободряющие похлопывания по плечам и спине от соседей, подвигли Федора на следующую

фразу: «Вообще то, мы тут живем. И квартира эта наша на законных правах выдана. Сразу, как только дом построился. Мы тут не квартиранты какие, а законные жильцы». Жильцы опять загудели, как рой майских жуков. Ободряющие похлопывания Федора по плечам переросли в одобряющие (простите за каламбур). Когда Ниночка стартанула в сторону кучки жильцов, Рома рефлекторно направился в след за ней. Но на словах Федора о квартирантах Роман остановился и начал пятиться обратно. «Сколько дому лет?», – шепотом спросил меня Сережа. «Лет сорок уже». А ведь действительно, дому то уже 40 лет. Да уж, проблемы с трубами у дома скорее всего возрастные, как у человека с сосудами. Ешь, пьешь всю молодость не задумываясь все, что нравится, а после 40 – бац! и сосуды засоренные и транспортировка крови по организму уже не та...

«Граждане жильцы! Раз уж вы тут 40 лет уже живете и все знаете, то может сразу скажете, кто человека то убил?» На этих словах Рома, пятившийся в нашу с Сережей сторону, замер на месте, и как мне почему-то показалось, даже закрыл глаза. Его руки вытянулись вдоль туловища, да и вообще весь он как-то излишне выпрямился и сузился. И только длинные пальцы, как щупальца, подрагивали каким-то нервным тиком. «Он сейчас упадет», – спокойным голосом констатировал Вениамин Рафаилович, выглянув из дверного проема на площадку. Рома падал красиво – ровно и стремительно, как оловянный солдатик. Мы с Сережей ринулись

ему на помощь одновременно. Кучка соседей практически с театральным общим вздохом наоборот отпрянула в противоположную сторону от Рому. Мешая друг другу, мы с Сережей все-таки успели словить Рому аккурат в нескольких сантиметрах от бетонного пола.

«Медики, окажите помощь пострадавшему», – Сережа слегка раздраженно крикнул в сторону открытых дверей 100 квартиры. Эксперты деловито и без лишней суеты покинули место преступления, направившись к Роме, который имел уже явно заметный бледный цвет лица. Иван Иванович протянул какую-то ампулу Вениамину, предварительно ее вскрыв. Резкий запах аммиака появился в привычном амбре парадного. Роман не реагировал несколько секунд. «Он такой синюшный не по нашему поводу, Вениамин Рафаилович. Просто паренек, простите за прямоту, дрищ обыкновенный», – Иван Иванович после своей констатации, еще более деловито поджал губы. При этих словах Ромины веки вздрогнули и распахнулись. Глаза были полны патологического страха и растерянности на грани с потерянностью. Иступленно глядя на Ивана Ивановича, Рома вцепился руками в Вениамина Рафаиловича и начал голосить. По-своему голосить, тихо и как-то особо жалобно. Видать слова лились наперегонки с мыслями, поэтому нам уже досталось лишь: «Я – туда, сюда, а он – кто убил? Я не знал, но побоялся. Я – квартирант, но не за дорого, так символически, как для такой квартиры и этого района. Но я не убивал. Я смотрю

– течет. Я к сантехнику, а он меня к управдому. Я к управдому, мы сюда, а тут ... тааааааа...». Наконец-то выдохнул Роман.

«Все понятно», – явно съехидничал Сергей. «Иван Иванович! Вот видите к чему приводят Ваши навешивания ярлыков. Привыкли Вы у себя в трупарне ярлыки на пальцы мертвякам цеплять, вот и тут человеку словесный ярлык навесили – «Дрищ» он, понимаете ли. А человек-то – млекопитающее доверчивое, ранимое и легковерное, вот сходу и принял-ся соответствовать Вашему ярлыку. Слышали какой текст понес, сердечный. Ой, йо-йо, горе то в семье какое выросло.» Изрядно наглумившись, эксперты в четыре руки очень аккуратно подняли Романа сначала в сидячее положение, и спустя пару минут после нехитрых манипуляций (следить за пальцем руки глазами и так далее) и стандартных вопросов (кружится голова или нет, тошнит или нет и тому подобное), Романа решили привести в положение прямо стоящего человека. Выглядел он, честно говоря, неважно – тонкие, длинные ноги тряслись, и в коленях были слегка согнуты, руки разведены слишком в стороны, при этом пальцы рук старались хвататься за воздух. В образовавшейся гробовой тишине, слегка подшаркивая тапками, Роман попытался сделать пару шагов. Насколько это было возможно сделать все еще более замерли. «А наш малыш-то вырос, вот уже и ходить научился. Иди, иди к мамочке», – в очередной раз сострив, Вениамин Рафаилович разрядил обстановку на площадке.

Всеобщий вздох облегчения разнесся эхом по парадному, и сразу же наперебой понеслись в воздухе советы, предполагаемые варианты случившего и так далее. Жильцы-зрители ожили и постепенно по нарастающей вернулись в прежнюю ипостась, при этом все ближе и ближе обступая со всех сторон Романа. Кто-то похлопал по спине, кто-то даже приобнял, тетушки принялись сдувать несуществующие пылинки с Романа и даже стирать будто бы грязь с его лица.

«Ой, ли, Иван Иванович. А вернемся-ка мы на свою орбиту, а то тесно тут стало для медицинского подвига.»

«Да уж, Вениамин Рафаилович, иметь дело с почившими куда стабильнее и менее эмоционально.»

После этих слов незаслуженно не признанная и не одаренная славой и благодарностью парочка экспертов вернулась на свое рабочее пространство 99 квартиры.

Сергей, хмыкнув и недовольно засопев, перешагнул осторожно порог и место, где находился прежде труп и прошел вглубь квартиры.

Я еще раз оглядела Романа. В эту секунду он был олицетворением абсолютного непонимания. Чаше чем надо хлопал ресницами и превращал кулиску с кофты в тонкий шнурок, нервно закручивая его длинными пальцами, со слегка посиневшими ногтями то ли от страха, то ли от холода, то ли от осознания того, что его – квартиранта, вроде как приняли в стаю жильцов парадного этого дома и именно этого недешевого района.

Под общий шумок, я направилась вслед за Сергеем и экспертами. Переступить порог я боялась. Во-первых, я не знала можно ли это делать с позиции следствия, а во-вторых, какой-то архаичный страх перед местом преступления держал меня за порогом квартиры. Я топталась в предбаннике и наблюдала за местом преступления ровно настолько насколько позволял доступный мне обзор. Иван Иванович сидел на раскладном стульчике, который он по логике вещей достал из своего металлического чемоданчика, ведь иной поклажи в руках у экспертов не было. То, что стульчик был не местный, я ощутила скорее интуитивно, чем основываясь на каких-то выводах. Итак, Иван Иванович. На коленях он держал планшет для письма, к которому судя по всему были прикреплены зажимом бланки, на худой конец листы бумаги. Под диктовку Вениамина Рафаиловича и периодические правки Сергея, Иван Иванович очень старательно писал, а точнее записывал.

«Сергей Александрович, нам бы понятых пригласить. Протокольчик бы подписать. Да и унять жильцов надо бы. А то расшумелись так, слышите?» И уже обращаясь ко мне: «Милая девушка, я правильно понял по тому, что Сергей брал у Вас ключи от подвала и технических помещений, Вы – управдом?» Я молча закивала головой с возможно излишней поспешностью. Из-за этого перед глазами слегка потемнело и поплыло. «Иван Иванович, Вы опять людей терроризируете! Сейчас шмякнется головою об пол, а все Ваша

настырность и прямословие виноваты...» Опять резкий запах нашатыря, но, слава всем богам, все произошло в отсутствии остальных жильцов, так как пока эксперты оказывали уже мне первую медицинскую помощь, Сергей организовал перепись жильцов на площадке, заранее предупредив, что для дальнейшей дачи показаний их вызовут в отделение. Когда на площадке стих последний звук закрывающейся двери, и воцарилась непривычная тишина, я сообразила, что наконец-то все разошлись или точнее всех грозный Сережа, разогнал по домам. Глаза открывать не хотелось. Хотелось побыть еще хоть немного в этом блаженном спокойствии.

«А что с потопом то делать?» Голос Ромы прозвучал как щелчок по носу. У меня аж мелкие слезы выступили из-под ресниц.

«Горюшко, ты горюшко!!! Иди домой, притопленный! Не видишь, что ли – управдом в печали и не при здоровье. Завтра приходи», – Иван Иванович при этом настойчиво подтолкнул Романа в сторону лифта. «Молодца Иван Иванович! Почти реабилитировался после наезда на управдома то нашу», – Вениамин Рафаилович с одобрением улыбнулся своей широкой мальчишеской улыбкой. Я опять собрала себя в один кусок и направилась к лифту, который кстати уже кого-то куда-то вез. Я решила вернуться к дверям 99-й квартиры, чтобы попрощаться с экспертами и пойти домой пешком. Эксперты очень радушно и искренне приглашали заходить к ним на чай-кофе, при этом скромные шуточки Вениамина

и старомодная галантность Ивана Ивановича действительно вызывали желание погостить у них часик-другой. Обменявшись координатами, мы наконец-то распрощались, и я направилась к лестничному пролету, ведущему ко мне домой. Еще немного и я опять буду дома – в тепле, уюте и спокойствии. Заварю травяной чай, с медом вприкуску. Я уже почти почувствовала аромат залитых кипятком трав, но не тут-то было. По ступеням шел Сергей. Где он был и что делал тяжело было себе представить, так как ушел он с площадки по-английски – незаметно и без предупреждения, а вернулся с очень озадаченным видом, при этом был изрядно запачкан побелкой, пылью и паутиной. Интенсивно обтряхивая грязь со своей одежды, он достаточно сильно, резко и хаотично махал руками. Шли мы по ступеням навстречу друг другу и по принципу «зеркала» я все-таки попала ему под локоть своей головой. Удар пришелся аккурат в лоб.

Резкий запах нашатырного спирта, голоса экспертов звучали где-то далеко. И только поток холодной воды в лицо привел окончательно меня в норму. Лоб болел сильно. Более того на нем ощущалась очень даже внушительных размеров шишка.

«Зато нос цел, да и конечности тоже», – Вениамин не переставал радовать оптимизмом, – «и свиделись опять-таки, правда не особо успели соскучиться, но все-таки». Иван Иванович с озадаченным и скорбным выражением лица смотрел то на меня, то на Сережу, который сидел на сту-

пеньках и очень осторожно, почти не дыша, держал меня на руках, как младенца. Я сделала попытку подняться и встать на ноги. Подняться я конечно поднялась, тем более Сережа меня очень бережно поддерживал, а вот встать на ноги у меня получилось с лихвой. Мало того, что я встала на свои ноги, я еще умудрилась наступить на ноги Вениамину Рафаиловичу и Ивану Ивановичу. Пока мужчины ойкали и айкали наперегонки, я сконфужено стояла в стороне. Было очень неловко. «Что же Вы нас так оттоптали, милая девушка? Мы Вас спасаем, а Вы нас на корню можно сказать топчете». Как-то по-бабьи горестно вздохнув, Сережа поднялся со ступеней. Мягко, как огромный кот, переместился мимо нас всех на безопасное расстояние, странными движениями – наклонами вперед-назад «размял» спину (я видела – так делают беременные, при этом они еще упираются руками в поясницу). И пока я мысленно рассуждала о спинах и беременных, Сережа неожиданно подхватил меня на руки и пошел по ступенькам в сторону моей квартиры.

«Скажите, когда пойду не туда», – пробурчал следователь. Справившись с первыми чувствами, охватившими меня – удивление, легкий испуг, и в конце концов неожиданность происходящего меня «добила» окончательно, поэтому я почему-то вопреки здравому смыслу перестала паниковать и стала абсолютно спокойной, на мой взгляд даже излишне. Правда благодаря этому спокойствию, я смогла детально рассмотреть Сережу. У него были зелёно-карие глаза. Цвет

необычный и мне показалось, что скорее всего от его эмоционального состояния (настроения, если хотите), они меняют оттенок. Взгляд у него сейчас был сосредоточен на происходящем, да и не мудрено – я девушка не из легких, и нести меня на руках дело сложное, особенно шагая по ступеням. И именно из-за того, что Сережа внимательно смотрел себе под ноги, я бесстыдно глазела на него. Он смешно сопел, как-то по-детски. Видать все-таки тяжело тянуть меня. Хотя мужчина он крепкий, я бы даже сказала богатырского телосложения. По крайней мере на его руках я чувствовала себя комфортно и даже уютно. Брови правильной красивой формы, которые он, слава всем богам, не корректирует, как принято сейчас не только у женщин, но и у мужчин. Да и вообще, насколько я могла разглядеть, Сережа относился к типу мужчин «динозавров». Он не был метросексуалом, то есть излишней ухоженностью не отличался, при этом был опрятен, приятно пах и хорошо одет, правда возможно, что немного старомодно, хотя – на вкус и цвет, как говорят, все фломастеры разные. Судя по тому как, он придерживал меня открытыми ладонями – руки у него были большие, да и уши тоже, что очень даже порадовало бы японцев. Ведь они считают, что большие ладони и ушные раковины говорят о том, что их хозяин – добрый, открытый человек и ждать от него плохого не надо, а пострадать можно только от его искренности и детской непосредственности.

«Может все-таки скажете номер квартиры Вашей?» Пока

я рассматривала своего «Буцефала», он уже успел меня принести на площадку моего этажа и покорно и как-то обреченно стоял, переводя взгляд от одной двери на другую.

«Вот моя», – я ответила скорее машинально, чем осознанно. Ответила и продолжила сидеть или, если хотите, даже полулежать у него на руках. Было очень удобно и приятно. Я все никак не могла с чем-то романтическим сравнить это чувство. В голову все время лезли банальные бытовые сравнения то с любимыми кроссовками, то с такими же излюбленными джинсами. Все не то... не то... в случае с Сережей было уютно не только телу, но и душе.

«Так может дверь открыть как-то... ну... ключи там дать...». Голос Сергея вырвал меня из приятной романтически-эротичной неги и швырнул в фригидную реальность. Секундно я даже ощутила раздражение на Сережу – неужели ему так тяжело было еще постоять и подержать меня на руках.

«Мы и так минут 10 уже стоим. Спина уже побаливает, да и руки затекли немного». Меня охватила паника. Оказывается, мои мысли настолько захватили меня и унесли в фантазии, что какую-то их часть я начала произносить вслух. И естественно он их слышал, и более того отвечал на них. Вот это я опростоволосилась! Перемещая меня немного вверх, так как я начала уже сползать – моя пятая точка тянула вниз, Сергей потрянул меня слегка, подкидывая. Ну, мешок картошки и все тут... я категорически и уже однозначно вер-

нулась в действительность. Решив хоть немного реабилитироваться, я попыталась ловко спрыгнуть с его рук. Получилось, хоть и не очень ловко, но получилось. Правда из моих карманов высыпались ключи, карамельки, телефон и заколки для волос.

Еще минуту мы дружно собирали мое добро, не забыв пару раз стукнуться головами, открывали замок двери, который оказался не закрытым. Сережа почему-то зашел первым и долго шарил руками по стене в поиске выключателя света. Я начала помогать, сначала направляла его типичными фразами: «Слева от двери», «Там тумбочка и вверху над ней...», «Давайте я сама включу», а потом решительно шагнула в темный коридор и ожидаемо наступила Сергею на ногу, при этом умудрилась лбом стукнуть его по носу. Он громко вскрикнул и закрыл лицо руками. Я ринулась на помощь. Сергей как мог сопротивлялся моему желанию оказать первую медицинскую помощь – одной рукой он закрывал нос, второй аккуратно старался держать меня на безопасном для себя расстоянии. Уже сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что действия наши были импульсивные и скорее рефлекторные, чем осознанные. В детстве так обычно поступают: ударился и рефлекторно ждешь, что кто-то поцелует больное место, а кто-то (обычно папа или мама) также рефлекторно целует ушибленное место. Ну... вы все поняли и сами, не буду рассусоливать. Если кратко, то со стороны это выглядело так. Сережа одной рукой закрывает

нос, второй отбивается от меня, я стараюсь отнять его одну руку от его же носа, а со второй его рукой, так же, как и он со мной, мягко борюсь. Я подныриваю под его борющуюся руку, оказываюсь с ним лицом к лицу и целую его руку, прикрывающую нос. Целую смачно чмокая, еще и приговариваю: «У собачки болит, у кошки болит, у Сережи не болит». Сказать, что у него в глазах появилось удивление – это ничего не сказать. Там было и удивление, и паника, и страх. Там было все и еще немного. Потом последовал поцелуй. Настоящий поцелуй. Не чмоки-чмоки, не цем-цем, а настоящий долгий, нежный поцелуй. Это был поцелуй не двух абсолютно незнакомых людей. Он был мягкий, не настойчивый, но уверенный. Его губы скорее обнимали мои. Этот поцелуй абсолютно не был имитацией секса или какой-то прелюдией к нему, он был сам по себе. Более того, он был настолько самодостаточным в чувствах, которые вызывал, что, откровенно говоря, этим поцелуем можно было удовлетворить свое либидо без логичного продолжения, ведущего к сексу. Я не знаю сколько времени прошло, прежде, чем мы услышали: «Простите, а что с потопом то делать? Мне еще подождать?»

На пороге стоял Роман. Он то ли от нетерпения, то ли от неловкости ситуации переминался с ноги на ногу, немногим больше обычного теребил пальцами рук кулису на кофте, при этом жевал губы и отводил в сторону взгляд, как собака, которую либо наказали, либо сейчас накажут. Короче говоря, Рома был катастрофически смущен. Сергей начал сме-

яться первым. Его смех был приятным, раскатистым и громким. «Так вот как смеются большие дети...», – подумалось и тут же улетучилось, потому что смех был еще и заразительным. Я смеялась от души, без скованности, с предательским прихрюкиванием. Но что больше поразило нас – так это то, что смеялся и Рома. Он не смеялся, он хихикал пискляво и по-девичьи. Утерев слезы, выступившие от смеха, я предложила Сергею составить мне компанию в Ромину квартиру, чтобы оценить визуально нанесенный ущерб, и проговорить Роме алгоритм его последующих действий, который, кстати, был у меня аккуратно прописан и имел название: «Ваши действия, если Вас «затопили» соседи».

Шли «цепочкой» – один за другим. Я шла за Ромой, который каждые пару секунд поворачивался и то улыбался нервной улыбкой, то просто смотрел в глаза, как будто ожидал одобрения с моей или Сергея стороны. В квартире было непривычно чисто. Было видно, что все вещи имели свое стационарное место. При входе в квартиру справа стояло красивое БЕЛОЕ ведро для мытья полов, и с него аккуратно свешивалась «шевелюра» швабры. Квартира не была стерильной, но при этом она мало походила на холостяцкую берлогу молодого парня. Потоп был в ванной, туалете и прилегающем к ним коридоре. Осмотрев ущерб, нанесенный квартире, я сделала фото и видео фиксацию. Посоветовала Роме до прихода специалистов из жкх не убирать потеки и тем более не делать ремонтные работы по устранению след-

ствий потопа. На этом моя деятельность по этому вопросу как управдома была окончена. Я посмотрела вокруг себя в поисках Сергея, но его нигде не было. Видать надоело ждать и слушать наш разговор с Романом. Попрощавшись с Ромой, ехидно пожелав ему доброго утра, я пошла домой. По дороге разные мысли лезли в голову по поводу Сережи и всего произошедшего в эту ночь. Открыв на автомате дверь в квартиру, я все еще погруженная в свои думы наткнулась взглядом на Сергея, сидящего в моей прихожей в кресле. Он определенно спал. Тихо, мирно почти не сопел. Большие руки спокойно лежали на груди, ноги были вытянуты и закинута одна на другую – крест-накрест. Может он почувствовал мой взгляд, а может я шумно вошла, но Сережа открыл глаза и через пару секунд улыбнулся своей широкой искренней улыбкой. Невозможно было не улыбнуться в ответ. Возможно мы так и продолжали бы улыбаться друг другу, как две собаки-улыбаки из просторов интернета, но на моей кухне что-то очень громко стукнуло, упало и судя по звуку разбилось. Мы с Сергеем одновременно стартанули на кухню.

«Куда!/? Стой тут жди!», – прокричал мне уже в спину Сережа. Перед глазами была моя кухня, в которой кто-то усердно «поработал». Все что было на столе оказалось на полу. Ваза для конфет была безнадежно разбита. Заварочный чайник был перевернут и травяной чай небольшой струйкой стекал из лужи на столе в лужу на полу, источая при этом обещанный продавцом чаев тонкий приятный травяной аромат.

Охватив взором в целом всю кухню, я не увидела виновника произошедшего. Свернуть все на сквозняк тоже нельзя было, так как окно было закрыто. Окно. Окно то было закрыто, а вот штора шевелилась. Сережа одним движением руки придавил меня к стене без слов и пошел кошачьими мягкими шагами к окну, что было очень удивительно, так как не соответствовало его телосложению. Уж очень большой кот получался. Тигр. Или кот Бегемот. Да уж, не вовремя я вспомнила персонажа книги Булгакова, еще только про нечистую силу осталось подумать... И тут из-за шторы выпрыгнул кот. Самый настоящий кот. Более того абсолютно черного окраса с глазами от испуга размером с блюдца. Такое совпадение мыслей и реальности ввели меня в ступор. Я даже не ойкнула. Сергей же отпрянул в сторону как от вышеупомянутой нечистой силы. Да уж... тигр тигром, а кота испугался. «Где тигр, это же кот просто, правда здоровый такой», – я опять не заметила, что проговорила мысли вслух, а Сергей естественно на них ответил. «Видать я его из подвала выпустил, когда туда спускался. А у тебя двери были открыты, ты же не закрыла их, когда к затопленному своему ходила. Вот кошара и забежал к тебе.»

Меня мало интересовало откуда взялся этот кот, а вот куда он делся меня очень волновало сейчас. Я пошла на поиски. Хорошо бы, если бы он выбежал на площадку парадного, но мне не могло так повести. В прихожей я окончательно в этом убедилась – входные двери были закрыты. Значит

наш кот Бегемот в квартире. Пока я ходила по квартире, играя в квест «найди кота», Сережа устроился в моем любимом кресле на кухне и сосредоточенно о чем-то размышлял – молча, но активно сопровождая свои мысли мимикой лица. Кота я искала долго. Настолько долго, что в результате мне это надоело и я пошла на кухню к Сергею – уж очень любопытно было узнать куда это он ходил, когда мы с Ромой потоп фиксировали, и что это за мысли такие интересные роились сейчас у него в голове, что аж на лице отражалась повышенная активность мозговой деятельности. Повышенная активность мозговой деятельности... Судя по всему сленг, да и весь мир криминалистики неминуемо затягивал меня в себя, как трясина. Дожилась... скоро буду говорить не доярка, а оператор молочного доения. Пару раз тряхнула головой, чтобы «высыпались» ненужные мысли (эта привычка появилась у меня еще в детстве – я трусила головой, чтобы прогнать от себя страшные мысли и картинки в голове их сопровождающие). На кухне Сережи не было. Элемент мистики конечно не хотелось учитывать, но исключать тоже нельзя было. Я таращила глазами по сторонам, но Сергея определенно не было нигде в поле моего зрения. Пошла искать в комнаты. Это уже дежа вю. Сначала кот, а теперь следовательно... так и в чудеса поверить недолго. В комнате все стало на свои места полностью исключив мистику и все ее элементы. Хотя увиденная мной картинка все-таки заставила меня удивиться. Сергей стоял возле книжного шкафа, а на

плечах у него лежала меховая тушка кота. Даааа... вот тебе и коты Бегемоты, вот тебе и чудесаааа... «Мааааууу...», – в ответ на мое протяжное «даааа» и «чудесаааа» кот откликнулся незамедлительно. В ответ на это мяуканье, хотя такое глубокое, протяжное, даже слегка грубое «мааааууу...» тяжело было назвать мяуканьем. И все же, в ответ на мяуканье Сережа шикнул недовольно на кота. При этом следовательно что-то искал в книгах на полках, точнее какие-то книги на полках. Нашел нужную, открыл ее и быстро пролистал, громко шурша страницами. Не отрывая взгляда от книги, Сережа пошел в сторону дивана, натолкнулся ногами на его край, при этом критично пошатнулся. Со стороны показалось, что Сергей вот-вот упадет. Но нет. Он просто сильнее, чем надо уселся на диван, скорее даже плюхнулся. Диван под Сережей натужно выдохнул, а кот приоткрыл полоски желтых глаз и судя по всему для надежности сцепления выпустил когти в Сережины плечи. Следовательно как-то утробно рыкнул на кота и при этом немного сердито пробормотал: «Когти убери, а то шерстью вовнутрь выверну». Кот послушно спрятал когти и также покорно опять задремал на могучих плечах Сергея. Я тихонько подсела к этой странной парочке. Читал он увлекательно и быстро. Но не это удивило меня, а «Табу и мифы Третьего рейха» в руках Сергея. Более того рядом с ним лежала вторая книга на эту тематику – «Аненербе. «Наследие предков» без мифов и тайн.» Мое удивление на этом не закончилось – продолжилось оно мысленным вопросом: «А

откуда у МЕНЯ эти книги на полке?» Дааа... Любовь к покупке книг завела меня и в такие тематические издания. Надо бы взять себя в руки и более осознанно делать выбор при покупке не суть важно, чего. Сергей оторвал взгляд от книги и категорично мне заявил: «Бери вторую книгу, листай и ищи что-то связанное вот с этим.» При этих словах он протянул руку ладонью вверх и показал красивый, но грязный мешочек, скорее всего кожаный. На мешочке была сделана готическими вензелями надпись на немецком языке и свастика. Шнурок, затягивающий мешочек был растянут, и содержимое высыпалось бы в руку Сереже, если бы все это добро не лежало в пакете для улики крепко закрытом, можно сказать опечатанном с каким-то бумажным описанием, прикрепленным сбоку пакета в качестве ярлыка. Содержимым мешочка были красивые камешки, обработанные мастером, судя по игре света на их гранях. Были ли они настоящими, какой ценности и чистоты, я естественно сказать не могла. Но то, что выглядели они впечатляюще – это факт. Мой немецкий был на уровне школы, поэтому я пошла к книжной полке за словарем. Вернувшись на диван, я начала поиски информации с перевода надписи на немецком языке. Минут через 5 я была счастливым обладателем слогана нацистской партии, переведенного с немецкого на русский язык. «Sieg Heil!» – «Да здравствует Победа!» или «Победе Слава!» О свастике я многое знала сама без обращения к словарям. Эти знания всплывали в мозгу постепенно, пока я внимательно рассмат-

ривала рисунок на мешочке. То ли со школьных, то ли с институтских времен, но знания были получены хорошие.

«Свастика, или ярга – это один из самых древних и широко распространённых графических символов, у многих народов мира она изображена на предметах повседневного быта, одежде, монетах, вазах, оружии, знамёнах и гербах, при оформлении церквей и домов».¹

«А как отличается нацистская свастика от не нацистской?»

«Это очень относительное понятие. Есть отличие по направленности лучей самого креста. Они могут быть загнуты как по часовой стрелке, так и против нее. Но сказать, что это отличительная особенность касается нацизма я не могу, да и никто не может. Потому что этот вращающийся крест появился наааамного раньше, чем нацизм в Германии».

«Так, а фашисты то какой знак использовали?»

«Судя по твоей находке тот, что по стрелке вращается... Вообще то, в русской традиции, точнее в славянской считалось, что правая свастика – это движение креста по солнцу и символизирует добро, а левая – это движение против солнца и соответственно символизирует зло.»

«Вот тебе и раз. Так фашизм с доброй символикой что ли получается?»

«Ну, как-то так. Абсурд, но факт. Есть много и других описаний, и объяснений происхождений свастики, но по су-

¹ информация взята из Википедии.

ти они к фашизму вообще не имеют никакого отношения. Просто видать соблазнился Гитлер в свое время этим знаком, который в целом означает приветствие. Вот и все.»

«Вот паскуда, взять и испоганить такой знак хороший! Кстати, а почему ты со словарем переводила вручную?»

«В смысле «вручную»? А как еще? Автоматически? Я не на столько хорошо немецкий язык знаю.» После сказанного мною слова «автоматически», я и сама уже поняла, что Сережа имел в виду, и без его ехидных пояснений. «Ты о таком изобретении, как интернет и смартфон знаешь?», – его глаза светились непосредственной детской радостью. Сжав волю в кулак и задавив в себе все нехорошие слова и чувства по отношению в этот момент к Сережиному, если мягко сказать, озорству, я почти мило улыбнулась и пошла на кухню делать бутерброды и заваривать еще одну порцию чая, так как предыдущую кот разлил. Очень большого труда стоило мне не повернуться назад, чтобы показать средний палец руки или хотя бы скорчить какую-то лютую гримасу в адрес Сергея. Но я постаралась выразить свое призрение его сарказму ровной спиной и милым молчанием. Принцип «и пусть ему будет стыдно» сработал на ура. Сергей смутился, взгляд у него стал виноватым и полным раскаянья. А завершающим штрихом в этой маленькой театральной постановке под моим чутким руководством был поступок кота. Он резко и широко открыл глаза, синхронно с этим спрыгнул с Сережиных плеч, достаточно болезненно для последних, еще и презри-

тельно фыркнул напоследок. Я не сдержалась и сдала позиции. И дефиле кота на кухню сопровождалось моим смехом.

С бутербродами, чаем и книгами мы устроились на кухне. Кухня у меня была большая, возможно даже больше, чем надо – в свое время я объединила ее с соседней комнатой. Поэтому еще два моих любимых кресла свободно уместились в ней. К книгам мы добавили ноутбук, который был подсоединен к интернету. Кот благополучно наевшись разносолами из еды для людей, улегся в подушках на подоконнике второго окна (во время ремонта мне сменили стандартный подоконник на широкий-широкий, на котором теперь спокойно можно было сидеть и смотреть в окно, уютно укутавшись пледом в дождливые дни). И именно с этой минуты можно было начать официальный отчет нашего расследования, а можно сказать и больше – приключений, если хотите, или даже путешествие в прошлое с элементами детектива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.